

**АНАТОМИЯ МЕТОДА, ИЛИ ДЬЯВОЛ В МЕЛОЧАХ:
О НОВОЙ КНИГЕ О.А. ЛЕОНТОВИЧ**
**(Рец. на кн.: Леонтович, О. А. Методы коммуникативных
исследований [Текст] : монография / О. А. Леонтович. – М. :
Гнозис, 2011. – 224 с.)**

Олянич Андрей Владимирович

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков
Волгоградского государственного аграрного университета
aolyanitch@mail.ru
просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация

Смысл – это использование.

Людвиг Витгенштейн

Конечно, обдумывай «что»,
но еще больше обдумывай «как»!

Йоганн Вольфганг Гете

Эта книга «прочувствовалась» мной более двух лет: к ней я возвращался вновь и вновь – по поводу и без повода. Нужда в ней, впрочем, возникала постоянно – как в профессиональном смысле, так и в случаях, когда требовалось «упорядочить мысли». У Ольги Аркадьевны есть потрясающее качество – организовывать тексты, ею продуцируемые, в некое пространство умиротворяющей силы. Поясню, что имею в виду: когда ты сталкиваешься с описаниями разных лингвистических феноменов, которые предоставляют нам разные авторы – от наших студентов и аспирантов до коллег, не очень озабоченных тонкой настройкой и качеством канала донесения информации до читателя, – всегда требуется иметь перед глазами образец некоторого четкого алгоритма развертывания мысли.

Так и с работой О.А. Леонтович: она читается легко и дает отдохновение мозгу своей прозрачной понятностью – и в смысле содержания, и в смысле стройности композиции, и в смысле логики структуризации доносимой до читателя информации.

Нужда в постоянном обращении к тексту рецензируемой монографии объясняется также и тем, что ее «вкусный» профессиональный текст, посвященный методам коммуникатив-

ных исследований, есть не что иное, как словарь, справочник, энциклопедия, тезаурус – словом, компендиум, значимость которого следовало бы сравнить с мануалом инструкций, в котором написано, что и как делать, чтобы все «работало» как часы. Надеюсь, Ольга Аркадьевна не обидится из-за такого сравнения: я ни в коей мере не хочу, чтобы у читателя тут же возник образ толстенной книжки «про то, как не поломать стиральную машину»! Но, правду сказать, реальные ситуации, когда возникала необходимость проконсультироваться по поводу того, какой метод исследования отдельного участка коммуникации более всего эффективен в конкретном случае, действительно были сравнимы с просьбой о «помощи из зала» или со «звонок другу».

Есть и другое обстоятельство. Мы все чаще сталкиваемся с ситуацией, когда в наши руки попадают диссертации, в которых об использованных методах, методиках, приемах, экспериментах, методологических принципах, должных стать основанием для проводимых аспирантами и соискателями исследований и т. п., говорится скороговоркой в паспорте работы (в лучшем случае!), а чаще всего они просто даются списком, и это очень большая беда. Одни и те же методы кочуют из диссертации в диссертацию, иногда явно с помощью простого использования функции компьютерного редактора «copy – paste» («скопировал – вставил»), причем такие нерадивые диссертанты даже ленятся удалять из перечня методы и приемы, которые явно не могли

быть использованы в работе! «Так ведь этого никто не читает!» – заявил мне недавно один, с позволения сказать, «соищуший» в ответ на мои недоуменные вопросы...

Так вот, милые мои юные друзья, рвущиеся в науку лингвистику и собирающиеся повышать свой научный статус: читают, и очень внимательно читают! Ведь настоящему ученому не просто любопытно, что там новенького «накопал» его ученик или аспирант его коллеги. Он ведь хочет знать, *каким образом* и *как* это было осуществлено, *насколько* качественно верифицированы полученные данные, стоит ли доверять источникам использованной информации. Кроме того, не было ли в предпринятых шагах подмены понятий или – прости господи – не подгонялись ли данные под видение проблемы самим диссертантом?!

Эта ситуация хорошо известна самой Ольге Аркадьевне, о чем свидетельствует ее реплика в предисловии к книге: «В российской коммуникативистике, как и в гуманитарных исследованиях в целом, к сожалению, наблюдается некоторое пренебрежение по отношению к научным методикам, а иногда формальный подход к ним, когда за простым перечислением методов не стоит четкое и упорядоченное описание процедуры исследования» (с. 7).

Возвращаясь к рассмотрению собственно монографии о методах коммуникативных исследований, ее пафоса, конструкции, содержания и тональности изложения, считаю важным обратить внимание читателей на следующие принципиальные моменты, являющиеся ключевыми для понимания замысла автора, по крайней мере, в том ракурсе, в каком я этот замысел вижу, понимаю и субъективно (sic!) представляю, надеясь в то же время, что поступаю предельно объективно.

Во-первых, труд О.А. Леонтович – это удачная попытка своеобразного «преодоления» традиционного направления лингвистической методологии, характерной для времен языкознания имманентного типа и заданной классиками, великими отечественными и зарубежными языковедами. Работу ни в коем случае нельзя рассматривать как отрицание предыдущего богатейшего опыта методичного изучения языка и речи, совсем наоборот:

автор уважительно констатирует их значимость и даже посвящает методам лингвистических исследований обзорный раздел (см.: Описание методов, с. 156–159). Говоря о преодолении, я имею в виду логичный переход от исследования «языка и речи в себе и для себя» к антропоцентрическому взгляду на эти феномены с точки зрения участия человека в их формировании, то есть к взгляду на коммуникацию в целом («язык и речь как интеракция индивидуума и социума»).

Во-вторых, книга Ольги Аркадьевны – образец дидактического произведения, своеобразный учебник методов, лингводидактический продукт, основной задачей которого автор избрал намерение научить пользоваться целым спектром инструментов научного поиска в коммуникативной среде, таких как наблюдение, кейс-метод, этнографический метод, эксперимент, опрос, контент-анализ, риторический анализ, семиотический анализ, концептологический анализ, нарративный анализ, дискурс-анализ, разговорный анализ, методы теории координированного управления смыслами, методы исследования межкультурной коммуникации и анализа культурных значений и смыслов.

В-третьих, у читателей может создаться ложное впечатление о том, что автор стремится выдать методы социальных исследований за методы изучения средств общения; это не так, что явствует из своевременной оговорки Ольги Аркадьевны: «Коммуникативистика не является полностью автономной областью, она тесно смыкается с социологией, психологией, лингвистикой и т. п. Соответственно, методы могут заимствоваться из смежных дисциплин. Целый ряд рассматриваемых нами методов используется в различных социальных науках. При этом цель книги – не просто описание известных методов социальных исследований применительно к коммуникативистике – это попытка осмыслить их с учетом российских коммуникативных традиций, преломить их для наших российских исследовательских потребностей» (с. 9).

Далее, в-четвертых, дидактизм книги О.А. Леонтович проявляется еще и в том, что уже на первых страницах неискушенный аспирант или соискатель научаются уяснять себе сущность ключевых терминов методи-

ки работы с коммуникативными феноменами: читатель узнает, чем и как различаются такие понятия, как методология, метод, парадигма, исследовательский прием. Например, «с молодых ногтей» аспирант обязан знать следующее: «если методология указывает на то, что следует изучать, то прием направлен на то, как это следует делать» (с. 10).

Наконец, в-пятых, в книге содержится важный посыл читателю, который я бы назвал «призывом к реализации интеллектуальных потенциалов мышления исследователя»: методы, применяемые сегодня в социальных и гуманитарных науках, часто избирательны в актуализаторском отношении. Одни могут быть апплицированы к большому массиву коммуникативного материала, другие – к весьма ограниченному, третьи – ни к одному из них.

Пафос монографии – это предложение соблюдать меру при выборе метода, помнить о его возможной субъективности, способной привести исследователя к искажению ожидаемого научного результата. Книга содержит напоминание о тщательной верификации и перепроверке фактов, предупреждает о рискованности увлечения их обильной экспликацией, о необходимости вдумчивого анализа всей фактологии и внимательном осмыслении сомнительной истории происхождения ряда примеров, о недопустимости стремления все сводить исключительно к аналогиям, делать поспешные выводы и приводить итоги поиска к некорректным обобщениям.

В целом монография представляет собой сплошное предупреждение и интенцию убедить молодых исследователей от некорректного применения методов – качественных, количественных, смешанных. Важно то, что позиция самого автора разумно нейтральна: Ольга Аркадьевна приводит разнообразные точки зрения ученых на «правильность / неправильность» той или иной группы методов, оставаясь в положении наблюдателя и регулятора. В то же время автор декларирует свою приверженность балансу в применении методов и призывает от каждого взять ровно столько, сколько возможно для обеспечения объективности и правдоподобности получаемых результатов. Чем это не добротный позитивно-конструктивистский подход!

Весьма сбалансирована конструкция всей монографии, логичность которой обеспечивает прозрачность текста, последовательность научного тексторазвертывания, простоту и легкость его восприятия; последние тем не менее никак не являются признаками информативного опрощения и внесения в излагаемое научно-популяризаторских нот. Давайте же посмотрим на то, как организована структура книги.

Монография состоит из трех частей, или разделов. Первый содержит предисловие и введение, проясняющие взгляд автора на сегодняшнее состояние коммуникативной методологии и ее содержание; раздел разбит на небольшие главы, ценные тем, что они характеризуют методологические исследовательские подходы («Позитивизм и интерпретивизм»), дают краткое описание групп методов с параллельной фиксацией отношения со стороны исследователей к их эффективности («Количественные и качественные методы», «Смешанные методы»), в сжатом виде излагают позицию автора о степени доверия к разнообразным источникам информации, и в частности к интернет-источникам, например к столь гиперпопулярному, каким является народная энциклопедия «Википедия» («Источники данных»); наконец, вниманию читателя предложено подробное описание видов и типов языкового и речевого (дискурсивного) материала, извлеченного для анализа («Типы выборок»).

Особое внимание начинающему диссертанту, подбирающему материал для исследования, на мой взгляд, следует обратить на прагматически важные части монографии – об источниках данных и о типах выборок. Автор предлагает читателям проявить бдительность и осторожность в процессе выбора: следует стремиться извлекать данные из аутентичных и хорошо проверенных ресурсов информации; желательно перепроверять адекватность и правдоподобность полученного информационного кластера посредством его перекрестного изучения в разных нишах репрезентации, чтобы исключить искажения – количественные и качественные. Автор говорит о том, что не стоит беззаветно верить в правдивость Интернета, как, впрочем, и ряда лексикографических, справочных и иных материалов.

Прекрасно представлены в монографии алгоритмы и способы работы с выборками единиц языка и речи: изучив монографию, исследователь сумеет расширить свое представление, например, о том, какие выборки могут быть использованы для определенного вида анализа, а какие для него не годятся; какая выборка будет считаться репрезентативной и валидной, а какая – нет. Анализируя выборки, где требуется работа с информантами, ученый постоянно находится в сомнениях по поводу качества вопросника и достаточности опрошенных: «Например, исследователь опросил по 100 человек с российской и китайской стороны об их отношении к иммигрантам. Можно ли это считать репрезентативной выборкой? Какие группы населения были опрошены? Проживающие в какой части страны? В городе или деревне? Какие возрастные группы? Какова их социальная принадлежность? Образовательный уровень?» (с. 2).

Признаюсь честно: многое из того, о чем написала Ольга Аркадьевна по поводу выборок, мне было неизвестно и я к тому же совершенно не предполагал, что существует такое разнообразие способов отбора материала из толщи коммуникации! Оказывается, в исследовательском инструментарии для количественных видов анализа наличествуют такие типы выборок, как простая случайная, статистическая, систематическая, стратификационная, кластерная; в качественных исследованиях применяют доступный, целенаправленный и теоретический типы выборки.

Кроме того, в коммуникативных изысканиях используется так называемая «техника снежного кома», когда «один информант дает имена других, которые могут согласиться принять участие в предоставлении релевантной для исследования информации. Иногда некоторые из их знакомых, узнав о проводимом исследовании и заинтересовавшись им, сами вступают в контакт с ученым; таким образом, количество информантов растет, как снежный ком» (с. 30).

Раздел невелик – всего 20 страниц. Автора многие могли бы упрекнуть в лаконизме и недостаточности информирования; мне же представляется, что столь умеренная дидактичность и отсутствие скороговорочного, многословного изложения с лихвой компенсиру-

ются собственно содержанием. К тому же, как говорил один мой знакомый лингвист-американец, «Shortage of knowledge? Go to the library!» («Не хватает знаний? Идите в библиотеку!»): монография изобилует референтными ссылками и отсылками к обширной библиографической базе. «Хотите знать больше – читайте больше» – очень правильный способ воспитания аспирантов!

Второй – основной – раздел книги посвящен подробной дескрипции собственно методов коммуникативных исследований («Описание методов»). И вот здесь в полной мере проявляется энциклопедизм автора, энциклопедизм в прямом смысле этого слова: с одной стороны, метод и методики излагаются последовательно, подробно, с другой – повествование алгоритмизировано и очень напоминает энциклопедическую статью.

Автор не считает зазорным наполнять свой текст огромным количеством известных и неизвестных дефиниций, чьих-либо определений, «посторонних» растолковываний и объяснений, таким образом, ее монографию можно приводить в пример как образец герменевтического текста или гипертекста: все разделы работы связаны между собой как конструкционно (об этом речь пойдет чуть ниже), так и интертекстуально, когда идеи о наблюдении и дискурс-анализе «кочуют» в описание эксперимента, кейса и др. Это явный признак того, что рецензируемая книга принадлежит перу не только талантливого лингвиста, но и опытного лингводидакта, мыслящего системно и глобально, полагающего, что любое дополнительное знание обязательно принесет свои плоды.

Алгоритм дескрипции каждого метода представляется весьма логичным, так как сначала автор дает дефиницию метода, затем следуют:

- определение целей метода;
- подходы к методу, осуществляемые учеными в различных исследовательских контекстах;
- материал, то есть объект исследования, к которому применяется тот или иной метод;
- средства или инструментарий метода;
- разновидности метода или его вариации;
- программа или процедуры применяемого метода, необходимые для корректной

экспликации и оценки получаемых результатов;

- достоинства и недостатки метода;
- области применения метода.

В таком или примерно таком формате осуществлено описание обширного репертуара методологии коммуникативных исследований: в зависимости от степени комплексности метода и его явной операционной сложности в части применимости к анализируемому объекту Ольга Аркадьевна часто прибегает к варьированному и расширенному комментированию в совокупности с подробной авторской интерпретацией способов аппликации такого метода к материалу анализа.

По сути дела, подобный подход к подаче информации о том, как, где, когда, с кем, зачем и почему следует исследовать процесс интеракции, напоминает работу медика-препаратора: становится понятным презентационное использование картины Рембрандта Ван Рейна «Урок анатомии доктора Тульпа» в оформлении обложки монографии. Эта визуальная патологоанатомическая метафора свидетельствует в пользу необходимости соблюдения скрупулезности любого научного поиска, когда неясности в работе одного органа провоцируют ошибочное представление о работе другого и для полной картины требуется вскрытие всего организма. Так и с языком, и с коммуникацией: исследование одного коммуникативного шага не дает общей картины, поэтому надо сделать множество шагов в том направлении, которое ведет к портретированию целого этноса или социума.

Весь второй раздел монографии отличается предельной информативностью: явно ощущается глубочайшая заинтересованность Ольги Аркадьевны в том, чтобы методы коммуникативных исследований перестали быть *tabula rasa* для потенциального и неискушенного читателя, но, наоборот, сослужили бы ему хорошую службу и оказались бы весомым подспорьем в процессе работы над решаемой лингвистической проблемой.

Все методы коммуникативных исследований «препарированы» автором необычайно ярко, последовательно, емко и тщательно; тем не менее есть раздел, в котором совершенно прозрачно эксплицировано особое, персонализированное и трепетное отношение Ольги

Аркадьевны к излагаемому как профессионала в сфере межкультурной коммуникации. Речь идет о той главе, где описаны методы исследования этой научной области.

Автор пишет, что данная сфера коммуникативных исследований дает возможность применения всей палитры методов анализа: «Межкультурная коммуникация (МКК) представляет собой обширную исследовательскую область, и этим обусловлено применение к ней разнообразных методик. <...> К рассмотрению проблем МКК могут быть с успехом применены практически все описанные выше методы» [с. 131–132].

Поскольку данная сфера предполагает изучение общения между представителями разных культур, то в спектр изучения попадает такой онтологический параметр, как специфика интеракции в зависимости от этнических социокультурных и коммуникативных установок соответствующих социумов. Таким образом, выявление этой специфики предполагает помещение культур в равные условия сопоставления и равное положение обследования, что, в свою очередь, требует аппликации принципа эквивалентности к межкультурному исследованию.

Этот принцип дается автором в трактовке, которую предлагает У. Гудикунст; он полагает, что следует выделять как минимум пять видов эквивалентности: 1) функциональную; 2) концептуальную; 3) лингвистическую; 4) метрическую; 5) эквивалентность выборки. Все эти типы очень подробно описаны в монографии Ольги Аркадьевны, что вполне оправданно, поскольку важные интеркультурные различия проявляются именно из положения равновесности, одинаковости условий сопоставления; ведь известно, что специфика проявляет себя именно на фоне общего.

Далее в монографии представлены подробные описания моделей как особых инструментов или специальных методов исследования МКК, сегодня существующих в арсенале коммуникативистов. Автор мотивирует их необходимость для изучения феноменов межкультурного общения тем, что они позволяют прояснить параметры этих явлений и реконструировать типы взаимодействия участников. Попутно читателю ненавязчиво напоминает о том, что такое модель: «Эф-

фактивными инструментами для исследования межкультурной коммуникации, в особенности таких сложных ее проявлений, как менталитет, культурная идентичность, национальный характер и т. д., являются различного рода параметрические модели. Модель – это аналог (схема, структура) определенного фрагмента природной или социальной реальности, который служит для хранения и распространения знания об оригинале, конструирования оригинала, преобразования или управления им») и параметрическая модель («сетка, накладываемая на исследуемое явление, которая построена на основе ряда констант, используемых как аналитические критерии» (с. 132–133).

Справедливо отмечается, что «рассмотрение и сопоставление культур по предлагаемым параметрам может стать действенным средством изучения информации, которая без применения подобного инструмента кажется слишком объемной, аморфной и трудно поддающейся анализу» (с. 133). Таким образом, все известные параметрические модели межкультурной коммуникации способны вполне адекватно репрезентировать общее представление о смыслах, содержании и специфике общения в сопоставляемых культурах и лингвокультурах. Далее в монографии подробно изложены принципы и алгоритмы того, как работают и какие параметры коммуникации учитывают такие модели, как конструкты Г. Хофстеде, Ф. Клухона и Ф. Стродбека, модели К.-Г. Флехсига, Р. Марковски и И.Э. Ключанова.

Признавая необходимость и важность учета этнической специфики структурирования коммуникации в той или иной иноязычной культуре, Ольга Аркадьевна в то же время предупреждает о недопустимости или нежелательности проявления этноцентризма в анализе коммуникативных межэтнических процессов; она пишет о том, что попытки рассматривать чужие культуры, отталкиваясь от понятий, категорий и понимания явлений, свойственных родной исследователю культуре, могут привести к ошибочным выводам и серьезно исказить общую картину получаемых результатов.

Отрадным моментом здесь представляется то, что автор не просто перечисляет по-

следствия такой опрометчивости, но предлагает также и некоторую программу действий против проявления эгоцентристских подходов в науке, среди которых называются такие меры, как объединение нескольких групп исследователей в одну команду, включение в нее представителей различных культур с мультикультурным опытом; создание головной организации для проведения совместной деятельности; проведение базового исследования сначала в одной культуре, а затем на его основе – сопоставительных изысканий в других культурах; совместная разработка исследовательских инструментов, способных быть апплицированными к сопоставляемым культурам и т. д.

Продолжая свой анализ работы О.А. Леонтович, не могу не сказать добрых слов о разделе, который более всего меня вдохновил: я имею в виду раздел о методах анализа культурных значений и смыслов. Будучи по лингвистической специализации семасиологом, много лет работающим на стыке семантики и лингвосомиотики, я должен с удовлетворением заметить, что это самая «лингвистичная» и самая «семиотичная» часть монографии. Однако самое главное заключается в приоритете, в том, что эта часть – научная территория, «застолбленная» самой Ольгой Аркадьевной, а упомянутые методики работы с культурными значениями и смыслами являются ее и представителей ее научной школы личной разработкой.

Фактически мы имеем дело с оригинальной теорией формирования культурных значений и культурных смыслов, порождаемых в ходе непрерывного межэтнического и межкультурного общения. Эта теория отталкивается от следующих основополагающих принципов: «коммуникация представляет собой не инструмент, а форму человеческого существования, универсальный социальный процесс, составляющий сущность человеческой жизни; суть коммуникации заключается не в обмене сообщениями, а в совместном творении смыслов ее участниками; все коммуникативные процессы культурно обусловлены; культурные смыслы допускают возможность множественных интерпретаций» (с. 138).

О.А. Леонтович, формулируя положения своей теории, использует опыт фундаменталь-

ных семантических теорий, основной вывод которых о различиях между значением и смыслом заключается в следующем: «значение внеконтекстно, не интерактивно и статично; смысл, в свою очередь, контекстуально обусловлен, интерактивен и динамичен. При этом трудно установить границы и рамки перетекания одних смыслов в другие и исчислить всю сложную совокупность факторов, участвующих в их формировании» (с. 138).

В работе представлена подробная типология культурных значений по целому списку параметров – по способам их вербализации, соответствию формы и содержания, месту культурного значения в семантической структуре номинации, по удельному весу культурного компонента и т. п. Особый интерес представляет анализ квазикультурных и псевдокультурных значений, то есть знаков, которые чаще всего провоцируют межкультурные коллизии и этнически обусловленные когнитивные сбои в общении.

Весьма убедителен раздел монографии о механизмах формирования культурных смыслов, таких как фильтрация, упрощение, ассоциирование, комбинирование и реорганизация информации, расстановка акцентов, заполнение пробелов и интерпретация. Ольга Аркадьевна очень подробно показывает, как действуют эти механизмы, для того, чтобы далее дать развернутое представление о комплексной методике анализа функционирования самих культурных смыслов. Делает она это на материале англоязычного художественного текста (роман Н. Эванза «The Divide»), демонстрируя методику, состоящую из ряда шагов:

1) выявление этапов формирования микросмыслов на основе культурно-специфических значений;

2) последующие наблюдения за комбинированием микросмыслов, в результате которого образуются сложные культурные смыслы;

3) построение логической модели смыслообразования, формирующей макросмысл всего текста.

Это очень кропотливая и тонкая форма анализа, каждый этап которого многослоен и раскрывается через последовательности шагов; отталкиваясь от сюжета романа, иссле-

дователь вначале идентифицирует культурные значения, формируемые на основе культурных маркеров; далее изучается выводная информация, находящаяся за рамками культурных значений. Наконец, следует шаг выявления макросмысла произведения, который «предусматривает изучение способов сопряжения культурных микросмыслов в смысловые единицы более высокого уровня, а также логики смыслообразования, в результате чего формируется макросмысл целостного произведения» (с. 147).

Важным и действенным способом выявления культурных значений и смыслов, по мнению автора, может выступить дискурс-анализ: в монографии представлена его последовательная аппликация к сцене объяснения Евгения Онегина и Татьяны Лариной, репрезентированной в оригинале (Пушкин А. С. «Евгений Онегин») и интерпретированной в англо-американском фильме Марты Файнз «Onegin». Культурные смыслы выявляются через анализ микроконтекста ситуации, культурного (исторического) контекста, через уточнение времени, места и участников интеракции, определение цели и формы общения, определение стиля дискурса и установление того, от кого исходит коммуникативная инициатива. Очень наглядно показан процесс определения явных и скрытых смыслов интеракции героев посредством подробного анализа стилистических приемов, семантически и «речеактово» выраженных как экспликураты и имплицатуры.

Еще один важный раздел главы о методах МКК, о котором стоит упомянуть в рецензии, – анализ ретрансляции и адаптации культурных смыслов для представителей других культур. Не буду полностью раскрывать соображения автора по поводу того, какие приемы могут способствовать адекватной передаче культурных смыслов из культуры в культуру, просто отошлю любопытствующих к интереснейшему тексту работы; обращу лишь внимание читателей на важность пассажа, касающегося возможных ошибок при ретрансляции культурных смыслов и соответствующих коммуникативных сбоев (с. 154–155).

Не побоюсь повториться, заявив еще раз о том, что книга Ольги Аркадьевны оказыва-

ется своевременным предупреждением о коммуникативной осторожности в интеракции с иноязычным социумом и своеобразным профилактическим призывом к внимательному отношению к чужой культуре, дабы не прослыть «слоном в посудной лавке».

Итак, резюмирую. Монография Ольги Аркадьевны во всех отношениях обеспечивает не только интересное и полезное чтение, она

не будет пылиться на полках, а займет достойное место на рабочих столах лингвистов, коммуникативистов, культурологов, специалистов во многих отраслях гуманитарных наук и учебных дисциплин. Будьте уверены, дорогие читатели: ваши руки сами потянутся к карандашу для заметок на полях и вы сделаете множество закладок в этой замечательной книге.

**THE ANATOMY OF METHOD OR DEVIL IN DETAILS:
ABOUT THE NEW BOOK BY O.A. LEONTOVICH
(Book review: Leontovich, O. A. Methods of Communicative Studies [Text] :
monography / O. A. Leontovich. – Moscow : Gnosis Publ., 2011. – 224 p.)**

Olyanich Andrey Vladimirovich

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Foreign Languages,
Volgograd State Agricultural University
aolyanitch@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation